

УДК 957
ББК 63.3(253)51

А.А. Иванов

УГОЛОВНАЯ ССЫЛКА И ЗАСЕЛЕНИЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ В XVII–XVIII ВВ.

Посвящена анализу государственной политики «штрафной колонизации» Сибири XVII–XVIII вв. и ее роли в заселении Прибайкалья.

Ключевые слова: карательная система; уголовная ссылка; государственная политика; заселение и освоение Прибайкалья; Иркутск.

A.A. Ivanov

CRIMINAL EXILE AND LAND SETTLEMENT IN BAIKAL TERRITORY IN THE XVII–XVIII CENTURIES

The article analyzes the state policy of penal settlement of Siberia in the XVII–XVIII centuries and its role in land settlement in Baikal territory.

Keywords: punitive system; criminal exile; state policy; land settlement and reclamation of Baikal territory.

История заселения и освоения Сибири неразрывно связана с уголовной ссылкой. Со времени прихода в эти места русских ссылка являлась важнейшим элементом колониальной политики государства. Земли у Байкала заселялись не только казаками и вольными людьми, среди первых жителей были и те, для кого приход сюда стал суровым наказанием.

Политика заселения сибирской территории ссылными имела свою динамику. Отечественная историография в истории ссылки в Сибирь, как правило, выделяет два периода — московский и петербургский. Именно московская ссылка изначально определялась не только как средство для наказания и изоляции, но и как способ заселения новых земель, организации здесь «государевой службы». При этом, провинившихся в чем-то служивых людей, казаков, детей боярских, отправляя в ссылку, по существу, лишь перемещали на новые необжитые места, стремясь поручить им выполнение в «сибирской уkraine» трудных, важных и далеко небезопасных дел. Личные качества человека, его способности и знания, потребность в нем государства, а не его вина, определяли и место наказания.

В этот период труд ссылных составлял «службу», само состояние ссылного определялось как «чин». Преступники ссылались: собственно в службу, в посад и на пашню. Ссылавшиеся в службу приверстывались в Сибири в дети боярские, в казаки конные или пешие и подчинялись общему ее порядку, установленному для прочих служилых людей с немногими ограничениями, например, не могли быть перемещаемы из города в город, или из чина в чин без разрешения московского правительства. Ссылка в посад заключалась в том, что ссылный прописывался в посадские тяглые люди в назначенном ему городе. Его положение не отличалось от положения обычных посадских людей.

Ссылка на пашню имела для Сибири исключительное значение: отсутствие своего хлеба сдерживало колонизацию края, делало положение гарнизонов неустойчивым, зависимым от далекого центра. Государство всерьез заботилось о пашенных ссылных: им отводилась лучшая зем-

ля, выдавались орудия производства, а также ссуда на «обзаводство» скотом. Часть урожая такой ссыльный был обязан сдавать государству, часть — оставлял себе.

Первое упоминание о ссылке в пределы Прибайкалья встречается уже в Соборном Уложении 1649 г. Глава XIX, называвшаяся «О посадских людех», назначала ссылку тем, кто будет уличен в самовольном оставлении своего посада или господина. «А будет они вперёд учнут за ково закладываться и называться чьими крестьяны, или людми, и им за то чинити жестокое наказанье, бити их кнутом по торгом и ссылати их в Сибирь на житье на Лену. Да и тем людем, которые их учнут вперёд за себя приимати в закладчики, по тому же быти от государя в великой опале, и земли, где за ними те закладчики вперёд учнут жити, имати на государя» [10].

Первые ссыльные в Прибайкалье появились, по всей видимости, в Илимском воеводстве. О систематической ссылке в эти края можно говорить применительно к 1640-м гг. В отписках, окладных, переписных книгах и челобитных за 1640–1650-е гг. упоминаются десятки имен ссыльных. Большая часть этих людей — выходцы из «черкашен», «черкасов», т.е. запорожских или украинских казаков, высланных в Сибирь за мнимые или действительные «измены». Все они были «пашенными ссыльными» и пахали государеву десятину. Их дворы дали основание многим деревням обширного Илимского воеводства.

Стремясь к прочному освоению новых сибирских территорий, московское правительство отправляло на государеву пашню, в первую очередь, людей семейных, приживавшихся здесь гораздо лучше одиноких ссыльных. Это хорошо видно и на примере «илимских черкас»: так, в 1644 г. из Енисейска сюда прибыло 17 казацких семей в составе 56 чел. и только трое холостых. В 1653 г. было отправлено еще 18 семей (62 чел.) и лишь пятеро одиноких ссыльных. Все они были определены на пашню, при этом, семейные адаптировались к сибирским условиям гораздо эффективнее: среди бежавших в 1656 г. в «Даурскую землю» илимских крестьян не было ни одного семейного «черкаса» [13, с. 510].

В Сибири быстро обустроивались люди, хорошо знакомые с крестьянским трудом, умевшие грамотно распорядиться получаемой помощью. Однако среди ссыльных казаков были и нерадивые, не стремившиеся к работе на земле. Приведем характерную цитату из донесения воеводы И. Зубова, обвинявшего в 1672 г. часть илимских ссыльных в праздности и бражничестве: «И твоя, великого государя, ссуда денежная и хлебная, и лошади, и пашенные заводы: ральники и косы, и серпы, и топоры всякие, теряютца. Покиня твою, великого государя, десятинную пашню, бегают безвесно, неведомо куды и ссуду, и подмогу уносят. А поруки на них, бездомовых людей, в твоей, великого государя, ссуде и в подмоге, держать некому — никто не ручаетца» [13, с. 511].

Судьба ссыльных в Илимском воеводстве определялась нередко и сугубо местными потребностями: прибывший на государеву пашню, в зависимости от обстоятельств, мог быть поверстан в пшие или конные казаки. В.Н. Шерстобоев описывает случай с ссыльным Потапом Кустовым, который, узнав, что в Илимске освободилось место пешего казака, подал воеводе соответствующую челобитную. Приказная изба дала по этому поводу подробную справку о том, сколько полагается жалованья женатому пешему казаку: «...денег 5 рублей, 2 чети полторы осмины ржи, 2 чети овса, 11/2 пуда соли в год». Прикинув оставшийся в запасе провиант, во-

евода распорядился приверстать Кустова в пешие казаки по Илимскому острогу вместо посланного в Дауры служилого человека Микиты Черемисинова, дав «оклад» ушедшего. Также было приказано «провести» Кустова «...по чиновной книге к вере, приправить его имя в окладных имянных книгах и послать об этом ведомость в хлебный стол» [13, с. 511].

Пашенный ссыльный, просивший перевести его в службу, должен был найти поручителей. Так, автор «Илимской пашни» приводит поручную запись, согласно которой за человека, сосланного в Илимск 10 лет назад, поручились: сын боярский, казачий десятник и четыре служилых человека. При этом, поручная была проста и лаконична: если ссыльный возьмет жалованье и «скажется в нетях», то все убытки взыскивались с поручителей [13, с. 516].

Становление и развитие Иркутска так же напрямую связано с политикой «штрафной колонизации». Среди первых жителей города было много ссыльных, отправленных сюда в казачью службу или в посад. Так, писцовая книга за 1686 г. содержит имена 13 ссыльных, проживавших в Иркутске и его окрестностях в этот период. Большая часть из них — 11 чел. — значились людьми «посадцкими» и лишь двое — несли казачью службу. Все ссыльные были присланы в Иркутск из центра страны, при этом, восемь чел. являлись уроженцами Москвы, а другие — Переславля-Залесского, Нижнего Новгорода, Пскова.

Писцовая книга фиксировала имя ссыльного, его социальный статус до высылки в Сибирь, род занятий и семейное положение в Иркутске. Например: «...двор, а в нем иркуцкой казак Андрей Савельев сын Москвитин; по сказке ево, родом, де, он москвитин, служил во дворе стольника Тимофея Богдановича Дубровского, а в Иркуцкой, де, прислан он по указу великого государя и по грамоте в казачью службу тому ныне 19 лет при приказном енисейском сыне боярском при Андрее Барнушлеве, а служит, де, с пашни великого государя за хлебное жалованье, детей у него сын Федка, 25 л. в казачьей службе, женат» [7, с. 4–12].

Большинство иркутских ссыльных имели семьи: 69,2% были женаты. Из писцовой книги непонятно, когда обзавелись семьями ссыльные — на родине или уже в Иркутске, однако, опять же, как и в Илимске, можно проследить общую закономерность: в этот период московское правительство стремилось заселять Сибирь, в первую очередь, ссыльными «с женами и детьми».

Еще одна особенность ссылки этого периода — она была «вечной»: независимо от рода и места службы такие ссыльные, как правило, уже не возвращались из Сибири. Вместе с тем, внутри региона они, руководствуясь потребностями местных властей, могли перемещаться. Например, часть иркутских ссыльных ранее несли казачью службу в Енисейске и Братском остроге и лишь по прошествии значительного времени направлялись в Иркутск. В 1691 г. воевода Л.К. Кислянский в отписке князю Я.И. Вяземскому сообщал, что отправляет обратно в Енисейск казака Ив. Хломина, пришедшего в Иркутск в 1688 г. «за ссыльными людьми в провожатых», которому «по нынешний, 1691 год, денежного, хлебного и соляного жалованья ничего не давано» [8, с. 157].

Ссыльные казаки по роду своей службы «передвигались» из Иркутска не только дальше на восток, что было бы логично и оправдано: государство «прирастало» новыми землями именно на востоке, но и в обратном порядке, если того требовали обстоятельства. Это следует, например, из отписки Л.К. Кислянского великим государям за 1689 г.: «...И тех

служилых людей, которые в байкаловских острогах на вечное жительство из Енисейска переведены, ... велено по вашему великих государей указу, тех всех жителей перевести всех в ыркуцкой, чтоб в байкаловских острогах они, служилые люди, пашен не заводили и лесов под пашни не сбили и не жгли, и от того бы де зверь не выводился» [8, с. 214].

Со временем масштабы ссылки в Иркутск в казачью службу, а также в посад, только увеличивались. Так, в 1699 г., согласно «Имянной иркуцким ружникам и обротчикам и всяких чинов служилым людям книги царя великого князя Петра Алексеевича» здесь на «вечном жительство» числились служилые «сургутские», «верхотурцы», «березовцы», а всего около 70 чел. В отписке воеводы Николаева за тот же год приводятся имена еще 20 сыльных казаков и служилых, т.е. всего почти 90 фамилий. Если учесть, что население Иркутска в 1699 г. достигло 1 тыс. чел., получим, что удельный вес сыльных составлял здесь не менее 9% [9, с. 24–27, 32].

Заметную роль играли сыльные в социальной структуре и экономике Иркутска и в последующий период. Так, в 1780-х гг. в обывательской книге города было зафиксировано 50 домохозяев из сыльных. Из них в мещанство было записано 10 чел., в цех — 32. С началом XVIII в. количество сыльных в Иркутске быстро увеличивалось: только в 1800 г. здесь было обнаружено 157 поселенцев из разных уездов и около 400 беглых, бравшихся за любую работу. Есть основания считать, что именно эта категория городских низов служила основным источником формирования сибирского пролетариата [11, с. 40].

Окрестности Иркутска так же заселялись сыльными. В 1670–1680-х гг. здесь стали возникать заимки крестьян, среди которых немало было сосланных «за вины», а также «присыльных из беглых» — самовольно ушедших в Западную Сибирь, там пойманных и высланных дальше, к Байкалу. Начало деревни Смоленщины, например, было положено двором Митки Смоленского, сосланного «в десятинную пашню в Иркуцкой острог». В 1673 г. присыльные крестьяне Иванов, Каменев, Казаков, Андреев заселили земли «...вверх от Иркутского острога по Ангаре реке на правой стороне у Курмы речки», где пахали «великих государей пашню». В эти же годы населялись сыльными деревни Разводная, Панова, Уксусова, Щукина, Каргаполова [4, с. 230, 231].

В 1680 г. в Иркутский уезд прибыла партия сыльных крестьян из Олонецкого уезда, из Москвы, из вотчин Тихвина монастыря, отставные подьячие, посадские люди. Основная часть прибывших была поселена в деревнях Уриковской и Кудинской слободы. В 1681 г. уриковские крестьяне просили увеличить им земельные наделы, так как «...на тех отводных землях вновь поселены присыльные пашенные крестьяне Дениско Иванов с товарищи». За счет пополнения сыльными число дворов Уриковской слободы выросло к 1682 г. с 16 до 20. Также увеличилось число дворов в Кудинской слободе, в деревне Талкинской количество дворов за десятилетие утроилось с девяти до 27. В эти же годы поступали коллективные челобитные о выдаче подмоги на 38 семей из Хомутовской слободы. В книгах за 1693 г. помечено: «...новоприсыльные пашенные крестьяне Хомутовской деревни великого государя десятинной пашни, пахнут по полдесятине в поле рожью вместо ярового» [4, с. 238, 239].

Прибывшим сыльным государство оказывало подмогу в виде денежной и материальной помощи, а также ссуды, подлежащей возврату. В первые годы заселения здесь преобладала натуральная подмога, ее размеры зависели от величины десятинного оклада. В 1681–1682 гг.

обычно давали на десятину по 10 р. и на десятину в ссуду — по 6 четвертей ржи и по 6 четвертей ячменя. Уже в 1681 г. близ Иркутска на пашне было около 100 «ссылных людей» [4, с. 237].

Не все пашенные ссылные мирились со своей долей, немало бежало дальше на север или в Дауры. Так, в 1691 г. Л.К. Кислянский в отписке илимскому воеводе «господину Еремею Ларионовичу» просил сыскать и отправить к нему в Иркутск крестьянина Юдку Сидорова да ссылного Тимошку Байдикова. В другой отписке за тот же год речь шла о поиске беглого удинского ссылного Офоньки Семенова Лыхы. Для его поимки и доставки в Илимск был отправлен казак Ф. Челюшин, который «Офоньку нашел в Илимском уезде у пашенного крестьянина у Терешки Павлова, а тот де, Терешка, Офоньке тесть. И на заимке де у себя он, Терешка, с ссылным, беглым человеком, с зятем своим с Афонькою Лыхою, да с пашенным крестьянином с Абакшею, ево, Федьку, били и увечили и отбили у него, Фетки, лошадь с седлом и с потники, топор, да шубу баранью» [8, с. 157].

С приходом XVIII в. связано начало ссылки петербургского периода. Ссылка этого времени стала принципиально отличаться от московской. Прежде всего, в ссылке появился новый вид наказания — каторжные работы. Указами Петра I каторга была официально включена в государственную карательную систему. Ее главным элементом стали тяжелые принудительные работы. Первые каторжные ссылались в Азов на парусные гребные суда, строили Петербург и Рогервик.

Не была забыта и сибирская окраина. Самым теснейшим образом связана с каторгой история Тальцинской стекольной фабрики. Известно, что генерал-губернатор И.В. Якоби в 1784 г. пожаловал Эрику Лаксману 10 десятин земли под постройки и 300 десятин для поселения работников из числа ссылнокаторжных. В 1789 г. к заводу были причислены 8, а в 1795 г. — еще четверо ссылнопоселенцев. В 1829 г. на фабрике работало не менее тридцати каторжан. Большинство из них жили в своих домах, имели коров, овец, держали огороды и сенокосные угодья. Одряхлевшие и неспособные к работе, содержались за счет фабрики, которая выделяла им ежемесячно по 2–3 р. денежного пособия [2, с. 55–57].

Тельминская суконная мануфактура была так же основана на невольном труде. В 1730-х гг. здесь было занято 87 работников из числа приписных ссылнопоселенцев [12, с. 223]. Известно, что Иркутский (Усольский) и Усть-Кутский солеваренные, Александровский винокуренный, Николаевский железоделательный заводы так же широко использовали труд уголовных каторжан.

Ссылка петербургского периода — и это главное — резко изменила контингент ссылаемых. На смену пашенным крестьянам и черкашеним пришли ссылные за уголовные «вины» — тати, убийцы, конокрады, фальшивомонетчики, всякого рода мошенники. Именно в это время в видах скорейшего заселения края стала практиковаться высылка в Сибирь беглых. По указу от 15 июля 1729 г. в сибирскую ссылку из центра страны стали отправлять бродяг. Очередной импульс ссылка получила указом 1754 г., заменившим смертную казнь для преступников удалением их за Уральский камень. Все эти меры привели к тому, что среди ссылных «в пашню» стали преобладать люди, далекие от крестьянского труда.

Резкое изменение контингента ссылных хорошо заметно на примере и Прибайкалья. Так, из 17 чел., отправленных в 1702 г. из Енисейска в Илимск, по дороге бежало шестеро. В числе беглецов один был «раз-

дьяконом», а двое — «Кузнецкой слободы тяглеца Карпова жена Савостьянова Домна с сыном». Среди достигших города, находилось четыре крестьянина, пять стрельцов, двое крепостных, один красноярский пеший казак, один «раздьякон» из Тулы, один подьячий и один тяглец». В 1720–1730-е гг. доля крестьян в партиях ссыльных, поступавших в Илимское воеводство, продолжала уменьшаться. Так, в 1729 г. из Тобольска в Илимск «во крестьяне» был прислан 71 чел. Среди них оказалось: 39 солдат, 8 крепостных, 8 монастырских крестьян, 9 государственных крестьян, ученик рабочего полотняной фабрики, посадский и «церковник». Таким образом, почти 55% ссыльных этого года являлись бывшими солдатами, 35% — были из крестьян и 10% — из прочих сословий. Можно предположить так же, что из общего числа ссыльных лишь каждый третий прижился на новом месте, остальные 2/3 самовольно отправились искать лучшей доли [13, с. 531, 621].

Среди уголовных преступников, выславшихся в губернию, было немало особо опасных. По данным В.Н. Шерстобоева, из семидесяти одного ссыльного, прибывшего в Илимск в партии 1729 г., 16 были наказаны за разбой (22,5%), 11 — пошли в Сибирь за кражу (15,5%), еще 11 — за поджоги, ложные доносы, фальшивые паспорта и подделку денег и лишь 25 чел. — сосланы за побег. В партии 1732 г. по «разбойному делу» высылались 58 чел. — 30,5%. Все они перед отправкой были подвергнуты жестокому телесному наказанию: у тридцати четырех чел. вырезаны ноздри, у одного отрезаны уши, 20 биты кнутом, 16 — «наказаны», но как — неизвестно» [14, с. 621].

Судьба колодников 1730-х гг. заметно отличалась от положения ссыльных XVII в. Большая их часть не получала пашни, а отдавалась зажиточным крестьянам в работники. Так, в партии ссыльных, прибывшей в Илимск в 1732 г., было 190 ссыльных мужчин, 16 женщин с девятью детьми, а также шесть вольных жен. Все они без исключения были разосланы по волостям и отданы крестьянам в работу [14, с. 621].

Ссыльные Илимского воеводства привлекались к созданию материальной базы Камчатских экспедиций: пригодных к работе, направляли на строительство судов и на сплав их по Лене. Число ссыльных было весьма значительным: в 1733 г. из Енисейска в Илимск для подготовительных работ было принято 95 ссыльных, в июле 1735 г. прибыло еще 44 чел. В январе 1735 г. лейтенант Ендогуров для работы на дощаниках отобрал сто тридцать одного ссыльного, а 148 признал негодными «за старостью» и велел отпустить их «...жить в тех местах, у кого пожелают». Всего в 1735 г. на «судовую походную работу» было отправлено 615 чел. всех чинов, в том числе 240 ссыльных (37,5%). Помимо этого, ссыльные привлекались к заготовкам леса и постройке судов [14, с. 392, 402].

Дальнейшее изменение структуры ссылки происходит с принятием в декабре 1760 г. указа «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». В течение двух лет, правительство приняло, по крайней мере, еще пять законодательных актов, расширявших масштабы ссылки в зачет рекрут: от 17 января и 15 марта 1761 г., 22 января, 22 мая и 6 августа 1762 г. Как следует из этих документов, местом для ссылки первоначально был определен Нерчинский уезд Иркутской губернии. Ссыльные должны были следовать через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камою до Нового Усо-

ля, далее 310 верст пешком до Верхотурья, затем по сибирским рекам до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска.

Согласно подсчетам А.Д. Колесникова, с 1761 по 1782 гг. в сибирский регион, по «рекрутским указам», было отправлено не менее тридцати пяти тыс. душ мужского пола. Если учесть, что в этот период женщины составляли 75–80% от числа сославшихся мужчин, можно полагать, что за 20 лет сюда прибыло около шестидесяти тыс. ссыльных и членов их семей [5, с. 354]. Часть из них использовалась для заселения Московского тракта от Нижнеудинска до Иркутска. В 1812 г. Н.И. Трескин в отчете об управлении краем писал, что за пять лет с 1806 по 1812 гг. «...в Нерчинском округе по дороге вокруг Байкала и по тракту до границы Томской губернии водворено 9 716 душ» [6, с. 370].

Характерная особенность ссылки этого периода — ее массовый характер. Число ссыльных в Прибайкалье увеличивалось постоянно и на 1 января 1823 г. достигло 17 819 чел. Большую часть их общего числа — 9 574 — составляли сосланные в каторжные работы (53,7%), 8 090 чел. — отбывали ссылку на поселения (45,4%). Сосланных в ремесленные работы было незначительное число — 155 душ обоего пола, а причисленных в цех слуг — вообще не зафиксировано. В этот период среди ссыльных была довольно высокой доля женщин — 3 157 чел., или 17,7% [3, л. 379 об.–380].

Согласно советской историографии, помещики, пользуясь указом от 13 декабря 1760 г., отправляли в Сибирь исключительно непокорных крестьян, «стихийных бунтарей и революционеров». Конечно, были и такие, но все же, есть все основания предположить, что большинство этих ссыльных составляли маргинальные элементы деревни, люди «порочные», от которых крестьянская община сама охотно избавлялась. Такие ссыльные в Сибири не «садились на пашню», «не пускали корни» на новом месте, а пополняли ряды бродяг, занимаясь воровством и грабежом.

Наши выводы подтверждает и ставшее классическим в историографии исследование Е.Н. Анучина: из 159 755 ссыльных, проследовавших через Тобольский приказ в 1827–1846 гг., 48 566 были бродягами и 18 326 беглыми ссыльными, пойманными и вторично отправленными в Сибирь, что в сумме составляло 42% всех сибирских ссыльных [1, с. 17–23].

Проблемы, связанные с изменением контингента ссыльных, многократно усиливали отсутствие должной постановки самого «ссыльного дела» в Сибири. Ссылка по существу не знала организации: «счета» колодникам не было, ссыльные, отправленные в места водворения, довольствовались в пути милостыней, на ночлег просились к крестьянам, местное начальство нередко задерживало их в своих корыстных целях. Отсутствие порядка в «ссыльном деле» вело к массовым побегам и, как следствие, — опять же к усилению числа бродяг. Бродяжничество, преступность беглых — вот что становилось главным результатом ссылки конца XVIII в.

Подведем итоги сказанному. Политика «штрафной колонизации» Сибири, в том числе и Прибайкалья, на протяжении XVII и XVIII вв. претерпела существенные изменения. Изначально государство, наряду с вольной колонизацией, стремилось использовать потенциальные возможности ссылки для заселения сибирского региона, развития здесь хлебопашества и городских ремесел. Уже со второй половины XVII в. сюда отправляли «в опалу» служивых людей, казаков, детей боярских

для несения службы и заселения новых городов. В это время за Уральский камень ссылали стрельцов и казаков, помещая их «на государеву пашню» для выращивания десятинного хлеба. Государство стремилось оказать таким поселенцам посильную «подмогу», снабжая их семенами и орудиями труда. Ссылные московского периода сыграли в истории заселения Прибайкалья важную позитивную роль, выращивая местный хлеб для городов и острогов.

В XVIII в. государственная политика «штрафной колонизации» резко меняется: в Сибирь, в том числе и в земли у Байкала, стали ссылать уголовных преступников, беглых и отторгнутых общиной крестьян. В этот период ссылка стала рассматриваться, в большей степени, как мера карательная, проблемы заселения и освоения территории также учитываются, но гораздо слабее. Уголовные ссылные плохо приживались на новом месте, не занимались хлебопашеством, их пребывание здесь лишь усиливало преступность. Ссылка этого периода не имела существенного значения для экономики региона. Присутствие значительного контингента преступных элементов в целом негативно сказывалось и на нравственном состоянии сибирского общества.

Список использованной литературы

1. Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России: Исследования о проценте ссыльных в Сибирь / Е.Н. Анучин. — Тобольск: Тоб. губ. стат. ком., 1866. — Ч. 1. — 235 с.
2. Бубис Н. Тальцинская стекольная фабрика / Н. Бубис // Земля Иркутская. — 1996. — № 5. — С. 55–58.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1. К. 2096.
4. Кашик О.И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII–начале XVIII вв. / О.И. Кашик // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. — Благовещенск, 1958. — Вып. 16.
5. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–начале XIX вв. / А.Д. Колесников. — Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 440 с.
6. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Комитет Сибирской железной дороги. — СПб.: Гос. тип., 1900. — 374 с.
7. Николев И.Н. Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / И.Н. Николев, Н.А. Найденов. — М.: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1883. — 94 с.
8. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. (г. Иркутск, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). — Иркутск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1895. — 252 с.
9. Первое столетие Иркутска. Изд. В.П. Сукачева в память 250-летия Иркутска. — СПб., 1902. — 186 с.
10. Судебное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/1649/19.htm>.
11. Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII–первой половине XIX вв.: очерки социально-экономической и культурной жизни / В.П. Шахеров; ред.: Л.М. Дамешек, Г.В. Оглезнева. — Иркутск: Оттиск, 2001. — Вып. 3. — 264 с.
12. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В.П. Шахеров. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.
13. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В.Н. Шерстобоев. — 2-е изд. — Иркутск: [Б. и.], 2001 (ОГУП Иркут. обл. тип. № 1). — 604 с.
14. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века / В.Н. Шерстобоев. — 2-е изд. — Иркутск: [Б. и.], 2001 (ОГУП Иркут. обл. тип. № 1). — 636 с.

References

1. Anuchin E.N. Materialy dlya ugovnoy statistiki Rossii: Issledovaniya o protsente ssyl'nykh v Sibir' / E.N. Anuchin. — Tobol'sk: Tob. gub. stat. kom., 1866. — Ch. 1. — 235 s.
2. Bubis N. Tal'tsinskaya stekol'naya fabrika / N. Bubis // Zemlya Irkutskaya. — 1996. — № 5. — S. 55–58.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. F. 24. Op. 10. D. 1. K. 2096.
4. Kashik O.I. Iz istorii zaseleniya Irkutskogo uyezda v XVII-nachale XVIII vv. / O.I. Kashik // Uchenye zapiski Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. — Blagoveshchensk, 1958. — Vyp. 16.
5. Kolesnikov A.D. Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII-nachale XIX vv. / A.D. Kolesnikov. — Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1973. — 440 s.
6. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom / Komitet Sibirskoi zheleznoi dorogi. — SPb.: Gos. tip, 1900. — 374 s.
7. Nikolev I.N. Irkutsk. Materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletii / I.N. Nikolev, N.A. Naidenov. — M.: Tipografiya M. N. Lavrova i K°, 1883. — 94 s.
8. Novye dannye k istorii Vostochnoi Sibiri XVII v. (g. Irkutsk, Irkutskogo Voznesenskogo monastyrja, Yakutskoi oblasti i Zabaikal'ya). — Irkutsk: Tipo-lit. P. I. Makushina, 1895. — 252 s.
9. Pervoe stoletie Irkutsk. Izd. V.P. Sukacheva v pamyat' 250-letiya Irkutsk. — SPb., 1902. — 186 s.
10. Cudebnoe Ulozhenie 1649 g. [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/19.htm>.
11. Shakherov V.P. Goroda Vostochnoi Sibiri v XVIII-pervoi polovine XIX vv.: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi zhizni / V.P. Shakherov; red.: L.M. Dameshek, G.V. Oglezneva. — Irkutsk: Ottisk, 2001. — Vyp. 3. — 264 s.
12. Shakherov V.P. Ekonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialakh gorodov Baikal'skoi Sibiri) / V.P. Shakherov. — Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2011. — 256 s.
13. Sherstoboev V.N. Ilmskaya pashnya: v 2 t. T. 1. Pashnya Ilmskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka / V.N. Sherstoboev. — 2-e izd. — Irkutsk: [B. i.], 2001 (OGUP Irkut. obl. tip. № 1). — 604 s.
14. Sherstoboev V.N. Ilmskaya pashnya: v 2 t. T. 2. Ilmskii kraj vo II–IV chetvertyakh XVIII veka / V.N. Sherstoboev. — 2-e izd. — Irkutsk: [B. i.], 2001 (OGUP Irkut. obl. tip. № 1). — 636 s.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, Сибирская академия права, экономики и управления, г. Иркутск, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Ivanov Alexander Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Academy of Law, Economy and Management, Irkutsk, e-mail: ottisk@irmail.ru.